

ПОСТИМПЕРСКАЯ АДАПТАЦИЯ КОНСЕРВАТИВНОГО СОЗНАНИЯ: БЛАГОПРИЯТСТВУЮЩИЕ ФАКТОРЫ

О.Б. Подвинцев

В материале, опубликованном в "Полисе" № 3 за 1999 г. [см. Подвинцев 1999], мною были рассмотрены условия, благоприятствующие сохранению и – более того – возрождению в нашей стране консервативного имперского сознания. Но в современной России имеются и факторы, способствующие адаптации патриотов-державников к произошедшим изменениям, примирению их с новыми реалиями. Анализу этих факторов и посвящена данная статья.

Иллюзия обратимости и незавершенности распада империи

"Империи распадаются без наркоза!" – предостерегал в 1990 г. публицист Б.Львин [Львин 1990: 11]. Но это не совсем так. Существуют, по крайней мере, два иллюзорных представления, смягчающих травму, вызванную распадом имперского образования.

Представление об обратимости происходящего получает распространение как при постепенном "размывании" державы, так и в условиях ее скоротечного "обвала". В первом случае фазы распада растянуты во времени, и каждый шаг в направлении дезинтеграции может рассматриваться как ограниченное по своим масштабам и последствиям событие. Потери, понесенные империей, оцениваются ее сторонниками как временные неудачи в длительной позиционной борьбе, которую предстоит вести дальше (ее окончательный итог не вполне ясен).

Скоротечный "обвал" империи, напротив, воспринимается ее апологетами как катастрофа, но катастрофа преходящая. Поскольку великая держава пала так легко и быстро, то складывается впечатление, что она столь же легко и быстро будет восстановлена. Один из лидеров депутатской группы "Союз" и движения "Наши" в прежней Государственной Думе В.Алкнис заявлял в интервью, данном вскоре после беловежских соглашений: "Когда сегодня говорят "бывший Советский Союз", я этого не признаю. Это каким-то политикам хотелось бы похоронить Союз. Но он живой! Жив наш народ, десятки, сотни миллионов людей объединены понятием "советский народ", и не так-то просто это вытравить из их душ". На вопрос корреспондента: "Когда начнется возрождение Союза?" Алкнис отвечал вполне оптимистично: "Уже весной в обществе настроение будет иным" [Алкнис 1991]. Автор одного из откликов на это интервью писал, что прочитал его и «на душе стало немного веселей» [Несостоявшийся юбилей 1992: 537].

Распространению и утверждению в общественном сознании иллюзии обратимости распада способствует также тот факт, что крушение империи не приводит к немедленному слому ее экономической, прежде всего транспортной, инфраструктуры. В заключительной части своей "Истории Российской империи" М.Геллер, в частности, пишет, что "сохранились, как кровеносные сосуды одного организма, железнодорожные линии, нитки газо- и нефтепроводов, экономические связи, стягивающие далекие регионы. Сохранилось живое наследие империи после того, как ее политические формы были разбиты" [Геллер 1997: 282]. В дальнейшем эти "кровеносные сосуды" либо прерываются, либо становятся частью иной системы, которая питает другой организм. Это происходит не сразу, и возникает надежда, что "экономика все-таки возьмет свое", "не выдержит надругательства над собой" (как предрекал тот же Алкнис). Экономика, по большому счету, действительно «берет

свое», но далеко не всегда оправдывает ожидания тех, кто рассчитывал на восстановление прежних экономических связей и интересов.

Другая иллюзия, сохраняющаяся даже после распада великой державы, связана с представлением о возможности трансформировать империю в «содружество».

Концепция «содружества наций» [1](#), активно разрабатывавшаяся в Британии в период кризиса империи, предполагает замену отношений «центр – периферия» добровольными, равноправными, взаимовыгодными союзническими отношениями между странами, составлявшими бывшую империю. Такое содружество мыслится как «сообщество государств и наций», динамично развивающаяся «система наций», «всегда идущая навстречу новой судьбе» [Smuts 1942: 37]. В рамках содружества не ставится задача создания единой общности, отсутствует стремление к ассимиляции входящих в него народов.

Идея о преобразовании в содружество возникала и муссировалась во многих имперских образованиях, переживавших период распада. В качестве примера можно, в частности, сослаться на трансформацию державы Габсбургов в Австро-Венгрию и планы по созданию Австро-Венгро-Чехии и – частично – Дунайской федерации. Аналогичным образом предполагалось, что полноценным преемником французской колониальной империи станет Французский Союз (по конституции IV Республики) или Французское Сообщество (по конституции V Республики). Подобная идея лежала и в основе многочисленных проектов реформирования СССР, получивших распространение в период перестройки и вылившихся в конечном итоге в скоропалительное создание СНГ. Такие планы, вызванные кризисом и начинающимся распадом системы, свидетельствуют о стремлении спасти империю путем ее трансформации в иное образование.

Британцы, дальше других продвинувшиеся по пути преобразования своей империи в содружество, в известной мере сумели воплотить данную теоретическую модель в жизнь. Если первоначально Британское Содружество объединяло метрополию и шесть ее «белых» доминионов (пять переселенческих колоний, включая Ньюфаундленд, и Ирландию), то во второй половине XX столетия в него в качестве равноправных членов вошли почти все прежние британские колонии, ставшие к тому времени независимыми государствами [2](#). В рамках Содружества выработаны новые механизмы взаимодействия бывших колоний, созданы структуры, которых не было в империи. Главы стран – участниц союза до сих пор регулярно собираются на совместные конференции, где обсуждают наиболее значимые в политическом отношении проблемы. Действуют «ассоциация парламентов» Содружества, другие организации. Между партнерами по Содружеству сохраняются тесные связи в сфере образования и культуры. Важным событием в мире спорта становятся проводимые в рамках Содружества Игры и другие состязания. Как отмечает британский историк Д.Лоу, Содружество представляет собой не просто еще одну, «меньшую по размерам 'Организацию Объединенных Наций'». ООН – это организация правительств. Содружество же есть нечто большее» [Low 1993: 336].

Но уже с 1960-х годов Британское Содружество не без оснований стали сравнивать со Священной Римской империей времен позднего средневековья. Его деятельность во многом приобрела формальный, ритуальный характер. Существовавшие прежде связи и отношения оказались радикальным образом нарушены. В адрес Содружества посыпались обвинения в том, что оно «не обладает силой, необходимой для принятия решений, не имеет веса, является 'жерновом на шее', 'пустопорожней церемонией', 'клубом бывших однокашников'». Одновременно начали высказываться сомнения по поводу целесообразности его дальнейшего существования [см. Blackwell Encyclopaedia 1993: 120-121].

Не состоявшись как политическое и культурно-историческое целое, Британское Содружество долго не могло обрести себя и в качестве полноценной международной организации с четко зафиксированными интересами участников. Французский политолог К.Кольяр писал по этому поводу на рубеже 1970-х годов: «Существующие между государствами Содружества связи одновременно и прочны, и хрупки, часто трудно осязаемы и, во всяком случае, не подлежат чисто юридическому анализу. С

точки зрения тех авторов, которые рассматривают эволюцию Британской империи как процесс распада федерации, в настоящее время эта дезинтеграция достигла крайних пределов” [Кольяр 1972].

Действительно, к тому времени Содружество перестало быть цельным образованием – многие прежние связи давно распались. Не могло оно служить и гарантом безопасности для входивших в него государств, подтверждением чему стали события 1983 г. в Гренаде. Более того, оно оказалось не способно предотвратить возникновение острых конфликтов между странами-участницами. Вопреки надеждам тех, кто некогда стоял у истоков Содружества, оно не стало единым блоком государств – ни в военном, ни в политическом отношении.

Справедливости ради необходимо отметить, что в период после распада империи (т.е. до окончания основной фазы постимперской адаптации) Британское Содружество не только устояло, но и существенно укрепило свой авторитет среди других международных организаций и союзов. В частности, оно в немалой степени способствовало распространению демократических порядков и институтов в бывших британских владениях. Важную роль в этом отношении сыграло фактическое исключение ЮАР из состава Содружества в 1961 г. Инициаторами такой акции выступили азиатские и африканские члены союза, и уже сам тот факт, что бывшая метрополия и “белые” доминионы, отказавшись от “расовой солидарности”, посчитались с их требованием, имел принципиальное значение для будущего организации. Однако глубинный смысл этого шага раскрылся относительно недавно, когда на юге Африки пал режим апартеида и ЮАР начала плавно переходить к демократии 3. Возвращение ее в состав Содружества стало наиболее ярким показателем признания мировым сообществом произошедших там демократических перемен.

Данный прецедент позволил ужесточить позицию, применить эффективные политические санкции и по отношению к диктаторским режимам в бывших “туземных” колониях. На 43 парламентской Ассамблее стран – членов Содружества, состоявшейся в сентябре 1997 г., с гордостью отмечалось, что “парламентская демократия в Содружестве укоренена сильнее, чем в любой другой подобной международной группировке”. Если в 1991 г. военные или однопартийные режимы действовали по меньшей мере в девяти из входивших в него государств, то к концу 1990-х годов они сохранились только в Нигерии и Сьерра-Леоне [Parliamentarian 1998: 47]. Повышение престижа членства в Содружестве привело к тому, что заявки на вступление в эту организацию поступают даже от стран, никогда не являвшихся колониями Великобритании 4. Примечательно, что “ренессанс” Британского Содружества проходит в условиях, когда прежняя имперская политическая система давно отошла в прошлое, а бывшая метрополия уже не в состоянии претендовать на роль абсолютного лидера.

В целом приходится признать, что ни один проект трансформации империи в содружество так и не был в полной мере реализован. Еще никому не удалось преобразовать систему “центр – периферия” или “метрополия – колонии” в добровольную ассоциацию стран и народов, сохранив при этом позитивный потенциал империи – ее мощь, престиж, возможность аккумулировать ресурсы и осуществлять грандиозные проекты и т.д. Но как бы в дальнейшем ни складывалась судьба содружеств, возникающие по поводу них иллюзии облегчают тем, кто продолжает исповедовать имперскую систему ценностей, процесс адаптации к новым условиям. По признанию Лоу, специфическое значение Содружества для Британии состояло в том, что оно смягчило “травму перехода к постимперской эре” [Low 1993: 335]. Аналогичную роль сыграло СНГ в первые годы после крушения СССР.

Фактором, способствующим адаптации, оказывается и обращение к историческим прецедентам возрождения империй. Исторические реминисценции призваны подкреплять веру в обратимость происходящего. Так, в дни распада СССР Алкснис, обосновывая неизбежность восстановления державы, приводил, в частности, следующий аргумент: “Вспомним историю. В семнадцатом году наше государство тоже могло распасться на части. Ситуация во многом сходная”. Примечательно, что в качестве дополнительного довода в пользу реальности

повторения прежнего сценария приводились и различия в ситуации – “тогда не было двух объединяющих нас факторов: единого экономического пространства, единой экономики и не было советского народа” [Алкнис 1991].

Бремя имперских и постимперских обязательств

Процесс распада империи обычно сопровождается большим напряжением сил и значительными потерями для метрополии и той части общества, которая служила опорой имперским структурам. Последствия безуспешных попыток сохранить империю проявляются во многих сферах жизнедеятельности, осложняют нравственно-психологический климат в обществе, порождают проблемы на международной арене. “В целом можно утверждать, что вся послевоенная история Франции вплоть до середины 1960-х годов была отмечена глубоким негативным воздействием болезненного распада французской колониальной империи и вызванных им социально-экономических и политических последствий”, – утверждает историк П.П.Черкасов [Черкасов 1985]. Аналогичный вывод, безусловно, справедлив и по отношению к ряду других стран, служивших ядром имперских образований.

Постепенное, не “скачкообразное” избавление метрополии от колоний при слабом внешнем воздействии может означать, в первую очередь, утрату имперских преимуществ. Бывшая метрополия, выполняя прежние обязательства, вынуждена брать на себя заботу об обороноспособности, безопасности, экономическом развитии новых независимых государств, оказывать им гуманитарную помощь, готовить специалистов и т.д. В практическом плане такие действия не приносят метрополии видимой пользы, а при серьезных экономических трудностях подобная трата усилий и средств вызывает раздражение внутри страны. Содружество обходится весьма недешево.

Особенно острые проблемы возникают в связи с наплывом иммигрантов, которых притягивает в метрополию более высокий, чем в ее бывших владениях, уровень жизни. Подобную экономическую иммиграцию облегчают упрощенные правила пересечения границ в постимперском пространстве. Например, в Великобританию на рубеже 1950 – 1960-х годов ежегодно прибывало около 100 тыс. афро-азиатских переселенцев. По меткому замечанию новозеландского историка Д.Макинтайра, мультикультурность нынешнего английского общества стала “прощальным подарком Империи постимперской Британии” [McIntyre 1998: 132].

Все увеличивающееся число иммигрантов, воспитанных в иной культурной традиции и привыкших к иному образу жизни, неизбежно провоцируют в бывшей метрополии расовую и межнациональную напряженность. Это способствует росту праворадикальных политических сил, но одновременно выбивает почву из-под ног у традиционных “империалистов”, заставляя консервативные круги быстрее адаптироваться к изменившейся ситуации, вырабатывать новую систему ценностей. Иными словами, наплыв иммигрантов из стран-сателлитов способствует росту не столько реваншистских и экспансионистских, сколько изоляционистских настроений. Вероятно, ничто так не дискредитирует имперское наследие в глазах жителей метрополии, как приток нежелательных иммигрантов.

Крушение националистических иллюзий в новых независимых государствах

На смену эйфории приходит отрезвление. Не является исключением и националистическая эйфория, возникающая как реакция на распад империи, тем более что ни о каком экономическом процветании вновь образованных стран (по крайней мере, сразу после обретения ими независимости) не может быть и речи, так как разрыв прежних связей и разрушение внутреннего рынка империи закономерно порождают системный кризис и требуют серьезной трансформации общественных отношений.

После окончательного краха империи существенно уменьшается интерес мирового сообщества к тем народам, которые ранее оказывали наибольшее сопротивление метрополии. Сокращается и поддержка, оказываемая этим народам

державами – соперницами империи. Так, в начале 1990-х годов центральные российские газеты (с явным удовлетворением, а иногда и злорадством) писали о “конце геополитической Балтии”. Поэтому повышение формального статуса страны может сопровождаться снижением статуса фактического. “Проигравшие” империалисты в бывшей метрополии и “победившие” националисты в новых независимых государствах сталкиваются, таким образом, со схожими проблемами – падением авторитета страны и необходимостью заново встраиваться в систему мировых отношений.

Возьмем, к примеру ситуацию в Грузии. Как отмечает публицист М.Стура, в советские времена в республике распространился миф о том, что она якобы ежегодно отдает в союзный бюджет двадцать миллиардов рублей, а получает из него только пять. Если бы это представление отражало реальное положение вещей, то обретение независимости привело бы к значительному повышению благосостояния Грузии. Однако после распада Советского Союза стала очевидна реальная конкурентоспособность производимых в республике товаров и услуг. Не принесла независимость и геополитических выгод. В результате, говоря словами Стура, “привилегированный доминион советской коммунистической империи превратился буквально с ночи на утро в евроазиатские задворки” [Стура 1995: 132-133].

Подобное развитие событий отрезвляюще действует на националистов. Недаром публицист М.Лайков, в черных красках рисуя портрет “незалежной” Украины 1996 – 1997-х гг., напоминает разговоры кануна выхода из СССР: “В два года озолотимся! В два года” [Лайков 1998].

Сложное экономическое положение и другие трудности, с которыми сталкиваются добившиеся независимости страны, не только дают радетелям империи повод для морального реванша, но и подкрепляют у них иллюзию обратимости процесса имперского распада. Иными словами, возрождение консервативного сознания в бывшей метрополии и других постимперских государственных образованиях связано не столько с неудачами, сколько с успехами вышедших из империи народов, поскольку такие успехи разрушают надежду на возможность возврата к старому порядку.

Участие консервативных сил в политическом “обустройстве” постимперского пространства

Противоречивость и неустойчивость процессов в постимперском пространстве порой позволяет сторонникам прежней империи получить власть в каком-либо из новых независимых государств. При этом проимперски настроенные группы или отдельные лидеры, не отказываясь от лозунгов восстановления державы, все же вынуждены считаться с изменившимися условиями и правилами ведения политической игры.

Двоякий смысл, с точки зрения постимперской адаптации консерватизма, имеет появление “заповедников” империи. С одной стороны, их существование укрепляет надежду на обратимость происшедшего и может активизировать деятельность в этом направлении. С другой стороны, если социальные и экономические параметры “заповедника” невелики (либо очевидно, что на восстановление империи рассчитывать не приходится), то он выполняет функцию сохранения имперских традиций, символики, ритуалов, идеологии и т.д.

В условиях глубокого политического раскола российского общества во второй половине 1990-х годов, имевшего, помимо прочего, и территориальную конфигурацию, закономерным выглядело предположение, что “раздробление большого государства позволит каждой частичке создать такой политический режим, какой больше устраивает местное население” [Комсомольская правда 1998]. Подобные мотивы сыграли существенную роль и при принятии решения о разделении Чехии и Словакии на рубеже 1992 – 1993 гг.

У проблемы временного реванша консервативных сил есть и иное измерение. После “обвала” империи во главе вновь образовавшихся национальных государств нередко оказываются политики “имперской формации”: вспомним хотя бы контр-адмирала бывшего имперского флота М.Хорти, возглавившего ставшую сухопутной Венгрию, или остзейского немца, царского генерала К.Г.Маннергейма, ставшего лидером независимой Финляндии. Можно привести немало и других примеров того, как политические деятели, военные, теоретики и проповедники, состоявшие на службе у прежней империи и более чем лояльные к ней, в дальнейшем занимали высокие посты в независимых государствах. Если абстрагироваться от случаев откровенного политического приспособленчества, следует констатировать, что создание нового государственного аппарата открывает возможности для реализации многих карьеристских устремлений и деловых инициатив, а это, в свою очередь, сказывается на степени приверженности прежнему политическому идеалу.

Короче говоря, постимперское развитие молодых государств способствует крушению иллюзий – как национально-демократических, освободительных, так и имперских. Весьма показательным в этом отношении следующее рассуждение латышского литератора И.Аузиня:

“Они проиграли, мы не выиграли” – это единственное, по-моему, исчерпывающее название для очерка о событиях последних лет.

Борьба в большой мере еще впереди.

Они проиграли, мы не выиграли... Может быть, поэтому одни не ощущают радости победы, а другие – драмы побежденных?

Сейчас, вполне возможно, среди мнимых ‘побежденных’ больше ликования, чем среди ‘победителей’; чем плохо на теплом местечке при меньшей ответственности? Как много знакомых лиц!” [Аузинь 1996: 150].

Постимперские компенсации

Утраченное державное величие, подорванные позиции на мировой арене могут хотя бы частично быть компенсированы “выигравшей” стороной. Необходимость такого рода “компенсаций” осознавалась еще во времена Венского конгресса и со всей очевидностью была доказана развитием событий в Германии в период между первой и второй мировыми войнами. Удачным, но редким примером “компенсации”, с моей точки зрения, является перемещение на запад “центра тяжести” польского государства после второй мировой войны 5. Присоединение к Польше новых территорий, на большую часть которых она имела весьма сомнительные исторические права, сразу умерило пыл польских национал-патриотов, требующих земель, вошедших в состав Украины, Белоруссии и Литвы. Это в немалой степени облекло их “адаптацию” к установившемуся в стране просоветскому режиму и частичной утрате ею суверенитета. Интересно, что через сорок с лишним лет, когда данный режим пал, волна националистических и “реставрационных” настроений в Польше оказалась менее мощной и продолжительной, чем можно было ожидать (особенно по сравнению с Латвией или Эстонией).

Однако поскольку далеко не всегда “под рукой” имеется столь же “провинившееся” (и слабое) государство, как тогдашняя Германия (за счет которой и была предоставлена “компенсация” Польше), приведенный случай во многом уникален. Возможности для “компенсации” обычно ограничены. Укрепившиеся в результате распада империи державы не забывают о собственных интересах. Кроме того, любое их действие в отношении бывшей метрополии вызывает острую реакцию у других стран, образовавшихся на постимперской территории.

Курьезным примером такого рода могут служить исторические параллели, проводимые одним из современных украинских историков: “Похоже на то, что трагические события преддверия второй мировой войны и дальнейшая экспансия сталинской империи до самого центра Европы ничему не научили наследников

‘мюнхенцев’ 1930-х годов. Те, кто на Западе, как в свое время Чемберлен, Даладье и, очевидно, Рузвельт, не хотят или не могут понять, что рано или поздно усилиями Грачевых или Жириновских, Руцких или Хасбулатовых, Зюгановых или Лебедей, и тех имперских сил, что стоят за их спиной, Россия, как уже было не раз на протяжении веков, вновь поднимется на ноги и вновь ее военно-промышленный комплекс найдет способы ‘открыть окно в Европу’. На шаткую основу поставлены не только целостность, суверенитет и независимость Украины. Из-за таких умов сохраняется угроза для безопасности и независимости Польши, Чехии, Словакии, Венгрии, народов Прибалтики, бывшей Югославии; раз уж Россия целиком солидаризируется с великодержавными амбициями великосербских шовинистов, что мечтают о возрождении балканской империи Тито и Карагеоргиевичей, а страны бывшего СССР и бывшего СЭВ просто считает сферой своего влияния” [Трубайчук 1994: 99-100]. Логика нарастающего противоборства мешает принимать взвешенные решения, учитывающие интересы сторон, выработать продуманную программу постимперской компенсации.

Одновременный распад нескольких имперских образований

В 1917 – 1918 гг. пали три крупнейшие европейские державы – Россия, Германия и Австро-Венгрия. Тогда же окончательно рухнула Османская империя. Важно отметить, что, хотя все эти страны принимали участие в первой мировой войне, военные неудачи сопутствовали процессам распада, но не были их причиной.

После второй мировой войны развал колониальных держав, прежде всего – британской и французской, тоже происходил почти синхронно. Более того, их элиты даже обменивались опытом, советовались друг с другом [6](#), предпринимали совместные действия против национально-освободительных движений (Суэцкий кризис). Но все усилия, затраченные на спасение имперских систем от распада, оказались тщетными. Интересно, что и эти империи, являвшиеся давними соперниками – партнерами, принадлежали к одному типу.

Одновременность событий позволяла проимперски настроенной части общества сделать вывод о неизбежности происходящего, о некоем “велении времени”. Поэтому безрезультатные попытки силового подавления освободительного движения в одной империи вполне могли удержать правящие круги другого государства от масштабного применения насилия в критической ситуации. Так, малоэффективные войны, которые вела Франция в Индокитае, а затем в Алжире, оказали серьезное сдерживающее воздействие на британские власти, не допустившие развязывания подобных вооруженных конфликтов в своих колониальных владениях.

В этом смысле условия для “преодоления травмы”, вызванной крушением СССР, оказались крайне неблагоприятными. Разделение Чехословакии и дезинтеграция Югославии скорее негативно, чем позитивно повлияли на процесс адаптации “державников” России и других бывших республик Союза к новой ситуации. Чехословакия была одной из “неформальных” частей советской империи, а после “развода” со Словакией Чехия сразу же превратилась в главного кандидата на вступление в НАТО. Югославия при Тито представляла собой мини-державу, потенциально относившуюся к зоне советского влияния, – нечто вроде непокорного вассала, периодически переходящего от бунта к фронде в отношениях с сеньором. Ожесточенные межэтнические конфликты на территории бывшей Югославии привели к значительному усилению американского присутствия на Балканах. Таким образом, распад этих государств только усилил в России чувство “ущемления державного достоинства”.

Определенным утешением отечественным державникам мог служить тот факт, что СССР – далеко не единственная в истории империя, потерпевшая крах. Вскоре после распада СССР Д. Драгунский, проводя параллели с крушением других великих мировых держав – державы Александра Македонского, Римской империи, Османской Порты, Австро-Венгерской и Британской империй, с некоторой долей сожаления, но достаточно спокойно констатировал: “наступил черед и Рима Третьего” [Драгунский 1992: 21].

Неудивительно, что ностальгирующая по СССР часть общества с явной симпатией реагирует на малейшие – подлинные или мнимые – проявления сепаратизма в странах Запада. Большая информированность о происходящих там процессах децентрализации, о кризисных моментах в развитии различных государственных образований, вероятно, могла бы позитивно сказаться на адаптации российских державников.

Показательно, что быстрый распад Советского Союза был воспринят на Западе как окончательное подтверждение исторической обоснованности и неизбежности деколонизации. Драма СССР оправдывала и затмевала схожие послевоенные процессы: “События 1989–1991 гг. почти полностью отодвинули британские рубежные даты – 1947–1948, 1959–1961, 1967–1968 – в историческую тень” [McIntyre 1998: 105-106].

* * *

Учет факторов постимперской адаптации консервативного сознания создает реальные предпосылки для корректировки этого процесса с помощью осознанного и целенаправленного воздействия на него. Главное – понять, могут ли попытки державно-имперского строительства привести в современных условиях не только к кратковременным успехам, но и к значимым результатам?

Алкснис В. 1991. И все-таки я верю. – Советская Россия, 11.12.

Аузинь И. 1996. Эхо – еще не душа. – Дружба народов, № 11.

Геллер М. 1997. История Российской империи. Т. 3. М.

Драгунский Д. 1992. Имперская судьба России: финал или пауза. – Век XX и мир, № 1.

Кольяр К. 1972. Международные организации и учреждения. М.

Комсомольская правда. 1998. 26.11.

Лайков М. 1998. Гуляй, Украина! – Москва, № 4.

Львин Б. 1990. Долой империю! Задачи национально-освободительной антиимпериалистической борьбы на современном этапе. – Век XX и мир, № 8.

Несостоявшийся юбилей. 1992. М.

Подвинцев О.Б. 1999. Сложности постимперской адаптации консервативного сознания: постановка проблемы и опыт классификации. – Полис, № 3.

Салмин А.М. 1992. Союз после Союза. Проблемы упорядочения национально-государственных отношений в бывшем СССР. – Полис, № 1 - 2.

Стура М. 1995. Сапожки царицы Тамары. – Дружба народов, № 12.

Трубайчук А. 1994. Містер з парасолькою. Невіл Чемберлен. Киев.

Черкасов П.П. 1985. Распад колониальной империи Франции. Кризис французской колониальной политики в 1939-1985 гг. М.

The Blackwell Encyclopaedia of Political Science. 1993. Oxford.

Low D. A. 1993. Eclipse of Empire. Cambridge.

McIntyre W.D. 1998. British Decolonisation, 1946-1997. When, Why and How Did the British Empire Fall? L.

The Parliamentarian. 1998.

Smuts J.C. 1942. Plans for a Better World. L.

1 Считается, что в близком к современному значении термин «содружество» был впервые использован будущим премьер-министром Великобритании лордом Розбери во время визита в Австралию в 1884 г. К началу первой мировой войны этот термин уже имел широкое хождение. Немалую роль в его дальнейшей популяризации сыграли Я.Смэтс, Б.Шоу и ряд других английских деятелей науки и культуры.

2 В начале 1990-х годов в Содружество входили 50 весьма несхожих между собой государств. Констатировав этот факт, профессор Д.Лоу, возглавляющий “смэтсовскую” кафедру в Кембриджском университете, отмечал: “Взятые вместе, они заключают в себе четверть населения земного шара и составляют треть общего числа существующих в мире национальных государств. При любой калькуляции, они образуют огромный международный конгломерат, который не имеет себе равных” [Low 1993: 333].

3 Более 50 экспертов из стран Содружества оказывали помощь ЮАР в организации выборов 1994 г., которые впервые проводились на основе всеобщего и равного избирательного права. Около 100 специалистов из 19 государств работали там и позднее, помогая южноафриканцам в осуществлении демократической трансформации [Parliamentarian 1998: 48].

4 Именно с реализацией данной модели многие российские политологи связывают и перспективы развития СНГ. Так, еще в 1992 г. А.М.Салмин высказывал мысль о том, что “союз с наднациональным контролем и регулированием нужен в первую очередь для защиты прав личности и прав народов” [Салмин 1992: 55]. Однако сейчас, как и в начале 1990-х годов, политики мало прислушиваются к такому мнению.

5 Эта идея активно обсуждалась лидерами держав антигитлеровской коалиции. И хотя в ее реализации был заинтересован прежде всего Советский Союз, в наиболее четкой форме она, как известно, была сформулирована У.Черчиллем.

6 Например, в конце 1940-х – начале 1950-х годов в британских политических кругах обсуждалась идея о превращении Индокитая в доминион в рамках Французского Союза.